

Елена Роговая

Елена Роговая

И здравств
вам
через
окно!

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
P59

Художественное оформление *Алексея Дурасова*

В оформлении переплета использован
рисунок *Владимира Симонова*

Роговая, Елена Александровна.

P59 И здрасте вам через окно! / Елена Роговая. —
Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-093482-9

«Мирочка, доброе вам утро! Я вижу, ви грустите? Я, кажется, догадываюсь, в чем дело. Савелий вам начал изменять? У мужчин вместе с сединой такие глупости в голову лезут! Мирочка, я через все это прошла и как старший товарищ могу помочь. Когда-то я работала в лаборатории у физиолога. Чего только не нагадалась! Там лягушкам иголки в позвоночник пихали, чтобы они не дергались, когда их в кислоту опускают. Боже упаси, я не говорю, что вашему Саве так же нужно сделать! Я про другое. Представляете, у нее позвоночник разрушен, а она и в кислоте ногу вверх тянет. Рефлекс! Так вот: то, чем мужики нам изменяют, — тоже рефлекс, и он у них очень развит. Это плохо лечится, но надежда избавиться от патологии есть...»

Повесть Елены Роговой «И здрасте вам через окно!» — теплая, наполненная добрым юмором и легкой грустью история о послевоенной Одессе и о людях, переживших немало трудностей, но сохранивших светлый взгляд на жизнь и любовь друг к другу. В обаятельных героях Елены Роговой невозможно не влюбиться.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Роговая Е.А., текст, 2018
© Симонов В., рисунок на обложке, 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-093482-9

МАСТЕР ШЕРМАН

Жарким летним днем у входа в парикмахерскую на улице Преображенской сидел художавый мужчина лет сорока пяти. Одет он был в белую рубаху, кожаный жилет, широкие брюки со складками у талии и парусиновые туфли, которые он каждое утро начищал зубным порошком. Густая копна волнистых волос с проседью делала его не только солиднее, но и на пару лишних сантиметров выше, что было немаловажно при его весьма скромном телосложении.

Тонким брусочком шлифовального камня мужчина не спеша водил по режущему полотну ножниц, отглаживая сталь до нужной ему кондиции. Проведя брусочком пять-шесть раз, он сначала оценивал качество работы на глаз, а потом брал клочок газеты, мочил его в чашке с водой и делал несколько надрезов на сырой бумаге, проверяя остроту инструмента.

МАСТЕР ШЕРМАН

Увидев на противоположной стороне улицы истопника знаменитых бань Исаковича, мужчина прервал свою работу и произнес, обращаясь к нему:

— Доброго вам утра, уважаемый Мотл! Буду очень признателен, если вы на минуточку задумаетесь и посчитаете совсем приблизительное количество помывочных мест, находящихся в использовании в настоящее время. Нет, я не настаиваю, но буду рад тому, что меня немножко обнадежат. Я должен знать, на что мне сегодня рассчитывать.

— Ждите, Израил, скоро от нас придут к вам, — отрапортовал истопник, вытирая руки о грязный фартук. — Даже номера заняты.

— Те, что по двадцать пять копеек или за семьдесят пять?

— Да отчепитесь вы от меня. Не мое это дело в билеты подглядывать. Билет — он не женщина, чего на него zenки лупить? С меня спросу мало, лишь бы пар в бане хороший был да в бассейнах вода подогретая.

— Вот и спасибо, уважаемый Мотл. Вы поговорили со мной пару слов, а мне уже забот на целый день.

После разговора Израил быстро встал, стряхнул с коротких брюк наждачную пыль, привычным движением закрепил ножницы в прорези жилета

и скрылся в помещении. Он знал, что не позднее чем через полчаса из бани выйдет первый клиент и наверняка зайдет к нему побриться или сделать стрижку.

* * *

Уже много лет он работал на этой улице и каждый день благодарил Бога за милость и любовь, которую Он когда-то проявил к его семье, позволив родителям почти даром купить салон у сбегающего от большевиков хозяина. Обучившись парикмахерскому делу, Изя перенял семейный бизнес и, не успев сделать пару стрижек, с ним мудро расстался, передав в руки советской власти честно приобретенное имущество. Его поступок был оценен руководством города по достоинству, а за сей щедрый, а главное, пролетарский жест ему было разрешено работать в родных стенах на должности заведующего вплоть до ухода на фронт. Провоевав почти четыре года, он получил ранение в грудь, был прооперирован и по инвалидности комиссован из армии. Когда Одессу освободили от фашистов, фронтовик вернулся в родной город живой, почти здоровый и с двумя медалями на груди.

Первое, что он сделал по возвращении домой, — попросил у соседей лопату и направился к старому

МАСТЕР ШЕРМАН

платану, чтобы откопать ящик с дорогим ему во всех отношениях инструментом, предусмотрительно спрятанным перед уходом на фронт. Самой большой ценностью в тайнике были марсельские щипцы, а также филировочные ножницы, которые по тем временам стоили огромных денег и попадали в Одессу из Америки лишь контрабандным путем.

Постижерный инструмент, состоящий из деревянных болванок для париков, тресбанка, кард и крючков для тамбуровки, он спрятал на чердаке дома. Зная, что конопляная парусина почти не пропускает влагу, он обмотал ей каждый предмет и аккуратно закопал под толстым слоем чердачного шлака. Собрав имущество, Изя любовно окинул его взглядом и, протерев все влажной тряпочкой, решил завтра же приступить к работе. Наш герой не был коммерсантом, но прекрасно разбирался в людях и понимал, что через неделю-другую у него не будет отбоя от клиентов. Война войной, а женщинам всегда хочется быть красивыми.

В первый же день после открытия парикмахерской Лиза Шпигельглас проходила мимо и увидела, как какой-то мужчина, до боли напоминающий мастера женских причесок Израила Шермана, аккуратно раскладывает на столике инструмент. Она приостановилась, заглянула сначала в окно и, убедившись, что это не кто иной, как маг и чародей

парикмахерского дела, не зашла, а буквально влетела в салон, захлебываясь от радости и открывающихся перед ней перспектив.

Увидев Лизу, Израил вознес руки к небу и поблагодарил Бога за милость. Он знал совершенно точно, что через несколько часов после ее ухода вся Одесса будет знать об открытии салона. Вознесенную благодарность к Богу Лиза приняла на свой счет и, как в довоенные годы, протянула руку для поцелуя.

— Мадам Шпигельглас, вы ангел! Вижу, вижу, что во время моего отсутствия вашей хорошенькой головки не касалась рука настоящего мастера. Выпьем чашку чая или сразу сделаем шаг навстречу красоте?

Губы Елизаветы в ту же секунду расплылись в улыбке, и она уселась в откидное кожаное кресло, чудом уцелевшее от бомбежек на чердаке дома.

— С какой прической мадам желает видеть себя сегодня? — поинтересовался Израил. — Как и до войны? Я вас понимаю. Красоту еще никто не отменял. Волосы — это единственное богатство женщины, не зависящее от войн и кризисов мировой экономики. Значит, как и раньше: делаем прямой пробор и по бокам коки.

Надев на себя фартук, Израил перво-наперво помыл роскошные волнистые волосы куском душистого мыла, купленного ранним утром на Привозе, и,

МАСТЕР ШЕРМАН

вооружившись расческой и ножницами, приступил к стрижке неровных концов.

Работал мастер с упоением и неторопливо, давая огрубевшим рукам вновь почувствовать шелковистость женских волос, их мягкость, воздушность и струящуюся красоту. Он снова тот укротитель, который из строптивых и непослушных прядей создаст произведение искусства. Как он скучал без всего этого! Не было на фронте и дня, чтобы не вспоминал он о парикмахерской, ее тишине, а особенно о запахах, которые буквально преследовали его в каждом сне. По завершении работы Израил взял небольшое круглое зеркало, чтобы клиентка смогла увидеть прическу сзади. Заметив восхищение и блеск в глазах женщины, он не стал скрывать свою радость от полученного результата и, более того, отказался от денег за работу.

— Мадам, вы моя первая клиентка после открытия и мой приглашенный билет в светлое будущее, а потому я не возьму с вас ни копейки.

Несмотря на добрые сто килограммов веса, из парикмахерской мадам Шпигельглас выпорхнула с легкостью ласточки и с полной уверенностью в завтрашнем дне. Она даже не сомневалась, что с этого момента красота ей гарантирована до конца Изиной и, на худой конец, ее жизни. Одно из двух, и третьего не дано.

Провожая Лизу, Израил не стал долго прощаться, потому как увидел у входа Розу Гольд, с любопытством и восхищением разглядывающую выходящую из парикмахерской женщину с очаровательной прической.

— Уважаемая Роза! Вы ко мне, и это правильно,— радостно произнес Израил, приглашая даму зайти в салон...

* * *

Роза Карловна снисходительно взглянула и величественно переступила порог, позволяя Израилу поддерживать ее под локоток. Она окинула взглядом помещение, покачала головой и, глубоко вздыхая, уселась в кресло.

— Да, да, да. Кому сейчас легко,— озабоченно проговорила она.— Но! Изенька, ви живой, здоровый, и это значит, что вас ждет доход и процветание. Поверьте мне, я знаю, что говорю. Работайте и зарабатывайте на красоте. Только она спасет мир и всех нас.

— На это и рассчитываю. Я могу вам предложить журнал с прическами или окунемся в прошлое?

— «Марлен Дитрих» меня вполне устроит,— произнесла Роза, внимательно рассматривая свое изображение в зеркале. Повернув голову направо, потом налево, она похлопала себя по отвисшему

МАСТЕР ШЕРМАН

подбородку, затем быстрыми легкими постукиваниями пальцев пробежалась по щекам и, дойдя до глаз, растянула кожу век в разные стороны, придавая взгляду таинственность. — Да, красота ускользает, и годы нам не друзья. Раньше я была молода и красива, а теперь только красива, поэтому доверимся «Марлен», мой друг.

— Роза Карловна, уважаю ваш вкус и верность стилю. Значит, делаем косой пробор и пускаем мягкую волну, переходящую в завиток на концах. Или все же перманент?

— Да ви интриган! Но за это я вас еще больше уважаю. Дорогой мой, конечно же, перманент. На сегодняшний день это практично. К тому же пышная прическа замечательно смотрится с маленькой шляпкой. Оставим «Марлен Дитрих» до лучших времен, и пока ви накручиваете коклюшки, я вам задам деликатный вопрос. Ви уже коммунист?

— Товарищ Роза спрашивает за поговорить или имеет конкретный интерес?

— Изенька, пока ви воевали на фронте, за это время могло многое измениться, а у меня работа.

— Так вам есть-таки что сказать, а вы молчите!

— Ну не могла же я сразу, хотя сами понимаете, что сваха — это навсегда, и никакие пули с фугасами не заставят меня безмолвствовать. Понимаете, к вам приходит много дам, и все хотят поговорить за

счастье. Изя, если ми с вами объединимся, то сможем сделать хороший гешефт¹, а город немножечко счастливее. Скажу вам по секрету, несмотря на трудное время и большой дефицит приличных мужчин, их у меня есть. У Розы все под карандаш, и пусть это вас не сомневает.

На этой фразе Роза Карловна нащупала ногой сумку, которая лежала возле кресла, и, не желая отвлекать мастера от работы, решила достать ее сама. Не успел Израил предложить ей помощь, как Роза с акробатической легкостью носком левой туфли подцепила ридикюль за ручки, после чего для удобства перекинула на правую и начала медленно поднимать согнутую ногу, чтобы можно было дотянуться до нее рукой.

Изя прекратил накручивать коклюшки и замер от удивления, а еще больше оттого, что по мере изменения высоты подъема в зеркале все отчетливее появлялось отражение обнаженного тела и шелкового нижнего белья розового цвета, обрамленного по краю тонким кружевом. «Похоже, у старушки дела идут лучше, чем я ожидал», — сделал вывод мастер и стыдливо отвел глаза, дабы не смутить ничего не подозревающую Розу Карловну. Поставив

---

¹ Г е ш е ф т — мелкое предприятие, дело ради барыша (нем., иврит).

МАСТЕР ШЕРМАН

сумку на колени, она недолго в ней порылась и вытащила пухлый конверт, перевязанный атласной лентой.

— Вот! Вот, Изенька, что я хотела вам показать. Ви только посмотрите, какие красавицы ждут своего счастья: Рахиль, двадцать девять лет, брюнетка, замужем не была, рост сто пятьдесят восемь, а самое главное — приятной полноты. Взгляните теперь на эту фотографию. Какая экзотика! Гюзель, тридцать два года, рост выше среднего, с уважением относится к иудеям и всем сердцем желает стать женой одного из них. Единственный нюанс — это пятилетняя дочь. Красавица? Я тоже так считаю. Так, а это кто у нас? «Увы, уже пятьдесят, но я их совсем не ощущаю». Пардон, это мое фото, — произнесла Роза Карловна и, шустро спрятав картотеку в ридикюль, перевела разговор на другую тему:

— Ви не думайте, Изенька, что было трудно только на фронте. Мы здесь без дела тоже не сидели. Раз уж зашел такой разговор, то мне нужен ваш совет. Ви, конечно, понимаете, что, когда пришли немцы, жизнь в городе не закончилась, и нам было-таки чем заняться. Так вот, в соседнем доме, справа от меня, квартировался вражеский офицер. Ничего не могу сказать о нем плохого. Хоть и немец, но очень интеллигентный мужчина и руководил их-

ней немецкой хозяйственной частью. Так вот, стал он мне знаки внимания оказывать, и чем дальше, тем больше. Сами понимаете, что женщина я привлекательная и незащищенная. Как-то раз он пригласил меня к себе. Ну, я подумала, что, может быть, у него дело какое ко мне, но на всякий случай решила обратиться к контрабандисту Толе Шмуклеру. Толя человек серьезный, понял все с полуслова и со словами «Он поразит все, кроме маникюра» продал мне дамский пистолет «Беретта». Все случилось так, как ожидал Толя, и через пару часов прогулки по катакомбам мы были на румынской стороне. Так что я хотела вас спросить. Как вы думаете, меня представят к награде?

— За что?

— Как «за что»? За освобождение Одессы от фашистских захватчиков.

— Роза Карловна, вы, конечно, красавица и храбрая женщина, но я вам немножечко подскажу: в вашем случае за лучшее будет помолчать.

— Жаль, Изенька, жаль. Награда обойдет меня стороной, но вы таки правы. С этой минуты я вам ничего не рассказывала...

— Скажу больше, я уже все забыл. Волосы будем укладывать в сеточку или несравненную пышность и красоту вы сдержите шляпкой? И правильно. У вас замечательный головной убор. Я почти такой же ви-